

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Медик коллекционер - 2003. - 18 янв. - с. 3.

Не одно поколение выросло с его песнями: "Гренада", "Под музыку Вивальди", "Амазонка", "Вот и лето прошло...", "Вспомните, ребята", "Лошади в океане". Знаменитый бард и профессор Института стали и сплавов в быту — сущий ребенок: без жены даже банку с кофе не отыщет. В ухоженной квартире отменный уют, кровать супругов во французском стиле — хоть в гольф играй. Виктор Семенович встретил свое 70-летие, и с любовной лирикой у Мастера все в порядке.

"Али-Баба" Беркович

— Моя Маргарита — женщина замечательная. Нашему браку больше 20... Простите, обещал ей позвонить.

Набрал дачный телефон жены, она не сразу ответила. Муж был терпелив, и эфирное свидание состоялось.

— Виктор Семенович, видно, все еще длится роман Мастера и Маргариты. На Таганке видели этот спектакль?

— Театр Любимова у нас по соседству. Мы его любим и уважаем. Смотрел этот спектакль давно, когда Вениамин Смехов играл Воланда. Он мой друг и живет теперь в Америке. Мы с ним перезваниваемся. В какие-то далекие времена написал Смехов нечто вроде либретто для мюзикла "Али-Баба и сорок песен Персидского залива". Долго искал талантливого композитора, готового написать выдающуюся музыку. И однажды один известный композитор (наверное, вы его не знаете) Ганелин...

— Не только знаю, но и люблю блистательного джазового пианиста, великолепного импровизатора. Трио — Ганелин, Чекасин и Тарасов — гремело на весь мир. Слава давно за границей.

— Так вот, этот знаменитый Слава посоветовал Смехову обратиться к Берковскому и Никитину. Мы к этому времени написали музыку к нескольким пьесам, в том числе к "Мэри Поппинс" — к спектаклю в театре Ермоловой. С Вениамином мы встречались давно, много водки выпили вместе на новогодних и прочих праздниках.

— Смехову не пришло в голову: вот они, рядом, мои талантливые композиторы?

— Нет! Он же искал среди выдающихся. Однажды он пришел к нам и прочел свою сказку. Мы ее записали — до сих пор храню эту пленку. И начали мы с Сергеем Никитиным с этой пленкой работать. А Веня все нервничал — слишком медленно мы сочиняем. Проработали мы над мюзиклом год!

— В воображении Смехова носились какие-то конкретные музыкальные идеи?

— Он хотел, чтобы мы написали восточную вещь. Принес Веня пластинки — то ли иранскую, то ли персидскую эстраду. Послушали мы эти восточные песни, и сказал я ему: "Веня, мы все равно не сочиним иранскую музыку. Напишем так, как мы вообще пишем и умеем, чтобы было понятно народу". Распределили мы все партии этой сказки, сами все исполнили, записали кассету и передали ее Смехову, чтобы он подобрал артистов. Веня "уговорил" мощный состав: Табаков, Джигарханян, Юрский, жена его Наташа Тенякова... Разутили они и тексты и мелодии. Каждый из нас за что-то отвечал. Я — за музыку. Вениамин занимался с исполнителями. А мне повезло больше всех — я работал с Наташей. Мне кажется, она пела лучше всех. Классно! Аранжировщик у нас был замечательный — Игорь Кантоков. Пластинка получилась отменная и имела довольно шумный успех.

— У вас появился соблазн увидеть мюзикл на сцене?

— Сняли телефильм. Костюмы там, декорации — все вроде хорошо. Но по секрету признаюсь — фильм получился довольно слабый. Один режиссер поставил "Али-Бабу" в Киевском театре эстрады. Ныне этот режиссер известен всем — Матвей Ганапольский. Меня пригласили на премьеру с намеком — чтоб прихватил с собой московских журналистов. Удалось поговорить Эдуарда Графова, одного из ближайших моих друзей. Такое славное путешествие мы с ним совершили. Спектакль получился эффектный. На девушках — полупрозрачные одежды. А то, что прощивало, помрачало разум. Оркестр звучал точно по Кантокову. Сыграли образцово.

Потом Ганапольский привез "Али-Бабу" в Москву, показал в Театре эстрады. Друзей собралось много, и никто не обратил внимания на афишу, а на ней горели слова: "Пластинка вышла тиражом в 2,5 миллиона".

— То-то вы с Никитиным и Смеховым разбогатели!

— Раскупали пластинки со страшной силой, но мы ничего не заработали. Мне говорили — пойдешь, узнай, ведь должны быть какие-то деньги. Сходил, а там не смуглились: "Ничего особенного нету". Пошел я на фирму "Мелодия". Милая женщина на голубом глазу объяснила: "У вас в ведомости всего одна песня". — "Да вы что? У нас два диска музыки!" — "Откуда я знаю? Вижу одно название "Али-Баба" — выписываю за одну песню". Получилось, что поработали мы ради собственного удовольствия. Но не будем об этом вспоминать — я вновь расстраиваюсь.

— Советскую власть ваши голонеры не спасли от крушения.

— Наташа, анекдот еще в чем: на стенке "Мелодии" висел аршинный плакат, на котором сияло: "Али-Баба и сорок песен Персидского залива".

— Виктор Семенович, первый раз мы с вами встретились перед вашими гастролями в Америке. Как вас принимали в Бостоне?

— Замечательно принимали. Народ нас помнит. С удовольствием приходили послушать. Новичкам мы тоже понравились.

— Вам исполнилось 70. Какие эмоции навеивает юбилейный возраст?

— Уныния нет — весь год можно праздновать.

— Давайте оглянемся на былые. Какие события сразу возникают в памяти, если оглянуться?

— Самое раннее... К нам в детский сад пришел преподаватель из музыкальной школы, отыскать одаренных. Когда добрался до меня, 6-летнего, и предложили что-нибудь спеть, я ошеломил — ни одной песни не знаю. Тогда учитель спросил: "Папа и мама что-то поют?" — "Они поют "Моя красавица мне очень нравится". Спел я ему, и он повеселел, посоветовал моим родителям учить мальчика играть на скрипке. Родители спокойно относились к нашим с сестрой способностям, никогда не заставляли делать что-то чрезмерное. Папа купил мне скрипочку-четвертушку. Пришел учитель домой. Считалось: в школе могут испортить талант. Педагог лично меня учил, а я лично не хотел. Делал всякие гадости, ломал смычки, во время занятий вдруг объявлял, что очень хочу есть. Родители отказались заставлять сына учиться. Потом началась война, отец ушел на фронт. Из Запорожья мы

МАСТЕР

эвакуировались в Сибирь. Было не до музыки.

— Но когда песни из вас летели как из рога изобилия и их надо было записывать, вы пожалели о своей музыкальной малограмотности?

— Я уже защитил кандидатскую диссертацию. Просто гора с плеч. Времени навалом. И я рискнул пойти в музыкальную школу, что на Самотеке. Попросился на вечернее отделение. Там улыбнулись: "Да вы что? Там учатся не прошедшие по способности на дневное. Для взрослых у нас ничего нет". Я не отступил. Со мной стала индивидуально заниматься учительница, симпатичная женщина, но ей не очень хотелось возиться со взрослым чудачком. Но вдруг я стал проявлять какие-то способности, быстро схватывал ее премудрости. И она спросила меня: "Есть какой-то Берковский, автор "Гренады". Это не вы случайно?" — "Случайно я". — "Что же вы мне сразу не сказали?" Так мы с ней за год прошли четыре класса. И я поверил, что у меня получится дружба с прекрасными нотами. Но меня тут отправили в заграникомандировку в Индию.

В Индии водятся не только слоны

— Виктор Семенович, тут мы с вами снова совпали в симпатии. Но мой 22 дня в Индии не соотносимы с двумя с половиной годами вашего житья-бытья в штате Бенгалия.

— Индия — незабываемый сюжет! Технологический институт, где я профессорствовал, находится на юге страны, километрах в 150 от Калькутты. Приехали мы туда вчетвером, и все с женами.

— Полагаю, с вами путешествовала ваша первая жена?

— Да. Об остальном умолчим. Честно скажу, отпраздновал я в Индии с неохотой. Ректор буквально заставил меня согласиться.

— Представляю, как вас поразили бездомные: живут, спят, стирают на улице, сушат белье на траве...

— Первое впечатление было очень тяжелое. Но удивительно — Индия покорила нас. Я влюбился в эту страну и только мечтаю еще раз поехать туда. Я проехал всю Индию, и мне все мало.

— Профессор, чему вы учили москвичей?

— Мы, четыре человека из Москвы, должны были реформировать все металлургическое образование по нашему образцу. Но оказалось, наша система Индии не подходит. И все-таки учили мы неплохо. В самом начале учебного года руководство института сказало нам, что по традиции устраивается вечер

знакомства, на котором профессор и преподаватели дают концерт.

Предложили нам тоже выступить. И я стал превращать в ансамбль нашу великолепную восьмерку. Разутили мою с Никитиным "Гренаду" и спели на два голоса. Успех был большой. Никто не ожидал такого от непонятных русских. Я играл там на гитаре.

— Индия вся как яркий самоцвет. У вас возникло там любопытство к камням?

— Началось увлечение камнями с путешествия. Вблизи Хайдарабада террасно располагаются два величественных скальных храма. Там прямо под ногами валяются самоцветы типа хризолита. Кое-что мы собрали сами. Но свою коллекцию минералов в основном я купил. На самолете много не привезешь — мы предпочли везти книги.

— Советское торгпредство приглашало вас на приемы?

— Да мы там жили, пели и пили. Но угощали в основном чаем. Торгпредство имело разрешение на продажу чая нашим гражданам. Они нас просто закидали чайными подношениями. Привезли мы домой чая довольно много. Всякие экзотические индийские сосуды заполняли чаем.

Опасные приключения

— Расскажите о вашем родстве с Клубом самодетельной песни.

— Я ни разу не участвовал в конкурсах за звание лауреата. Меня просто включили в жюри Грушинского фестиваля, который проходит в местечке между Самарой и Тольятти. Я там председательствовал. В этом году уже будет 30-й фестиваль.

— Слышала, будто вы когда-то выиграли машину...

— Да не выиграл — мне подарил 74-ю модель мэр Тольятти за творческую деятельность в 97-м году. Я долго на ней ездил и берег. Любил ее. За все годы с этой прекрасной машиной не случилось никакой поломки. Только месяц назад мы ее продали.

— А Маргарита на чем летает?

— Купили ей 99-ю модель. Она отлично водит. Я ей доверяюсь — летает осторожно.

— Где вы откопали такую жену? На одной машине ездит, на другой — шьет: вижу у вас ручную старинную "Зингер".

— Да, она все делает сама и замечательно готовит. А сейчас она на даче. Вокруг нас стоят огромные особняки новых русских, но я наша деревянная двухэтажная, по скромным преподавательским понятиям,

Виктор Берковский: "Моя жена летает на моторе"

На катамаране в бурю.

тоже неплоха. Мы ее любим. Весь участок в деревьях — от леса остались сосны и березы. Есть и яблони.

— Грибы растут?

— Какие-то растут. Я не разбираюсь. Грибы знает Никитин. Случилось мне попроситься к нему в грибные напарники. Но он не любит ни с кем ходить. В этом деле он тоже профессионал, грибы под землей видит. И на рыбалке он король — часами может созерцать поплавок. Я не рыбак. В свой запорожский период увлекался лодочными гонками и водными лыжами. Один раз упал я очень неприятно. На берегу мама моя тревожилась за меня. Я ее успокоил, что это вовсе не опасно. Разогнали меня, и я решил подкатить к берегу с флором. И когда сделал зигзаг, то не заметил впереди лодки. И рухнул боком на песок. Ободрался сильно. Мама испугалась больше меня. В Москве я долго скучал по водным лыжам, по своей моторной лодке.

— И больше не было у вас водных приключений?

— Еще какое! И не на Днепре, а на море. В начале 80-х был у меня ансамбль, куда входили Дима Дихтер, Галя Бочкина — она сейчас в Америке, но на концерт "Гренада" в ЦКЗ "Россия" 23 января приедет. Наш ансамбль все время куда-то приглашали и однажды нас позвали во Владивосток. Прилетели мы, и нас решили угостить десятидневной морской прогулкой на яхте. Погрузились с женами и друзьями на огромный катамаран. Бельх парусов на нем 120 квадратных метров. Шикарная команда молодых, студенческого вида ребят. Капитаном — замдиректора какого-то института. Я с Маргаритой, Бочкина с мужем, был с нами и Дмитрий Богданов. И еще человек 12 любителей песни. Хорошо, красиво мы шли по морю. Остановились на институтской базе рыболовного хозяйства. Угощали нас копченой иваси. Восторг! Ничего вкуснее я не ел.

Подкрепились и вновь в море. У каждого свои обязанности. На катамаране два руля. На одном сидел я. Кто-то из ребят отвечал за парус. И вдруг замечал — почему-то стал плохо справляться с рулем. Волны усилились. Все сильнее и сильнее начало качать. И вдруг яхту резко швырнуло в волны. Берега не видно. Руль вообще вдруг сорвало и унесло в море. Мы его пытались догнать. Но куда там!

На втором руле был сам капитан. Но на одном руле катамаран удержать сложно. Стали манипулировать парусами. Народ не привык к качке. Один я не поддавался. Между двумя корпусами катамарана палуба, и все бегали туда освобождают желудок. Моя Маргарита сидела, обняв манту, и смотрела на тучу. Это ее спасало. Гребень волны заливал палубу, перекачивался через катамаран. Мы вымокли до костей. Некоторые начали сомневаться в правильности своей жизни. Каялись: "Детей оставили, уехали развлекаться. Что с ними теперь будет?" И вдруг рухнула передняя палуба, полетели в воду научное оборудование и запасы пресной воды. Начали лопаться ванты — круглые витые проволочные приспособления для поддержания мачты. Когда лопнула первая ванта, я понял, дело плохо. И запел песню в каком-то неосознанном торжестве: "По рыбам, по звездам приносит шаланду, тур грека в Одессу везут контрабанду. Над правым бортом, что над пропастью вырос, Енакий, Ставракий, папа Сатыроч..."

— Заговорили бурю. Отвортили ее от яхты!

— Именно. Появились острова и слегка прикрыли яхту. Тут и начал из меня переть мой романтический дар. Вы, конечно, понимаете, что это штука?

— Понимаю ваше состояние и поражаюсь веселому морскому духу рядового морехода Берковского.

— Я не поэт. Ну как тут было не срифмовать, если мы проходили мимо острова Верховского? И я сочинил фразу: "У острова Верховского искали труп Берковского...". Публика оценила мою отходную, в те дни острова стало чуть-чуть потише. И все вдруг ощутили острый прилив счастья. Угроза схлынула. Мы запели: "Эту пряхную перину море вынесло на берег. Солнце воду испарило, получилось хорошо..." Капитан вынул четверть спирта. Я никогда такую здоровенную бутылку не видел. А в камбузе его жена, упираясь ногой в стенку для равновесия, жарила оладьи. Вынесла. И мы под спирт их уплели. А еще была рыба, которую мы выловили раньше неводою. Сварили густую уху, но уже никто не был в состоянии ею наслаждаться — заснуло... Это путешествие — просто фантастика.

— Если бы сейчас вам предложили еще раз совершить такое?

— Запросто поехал бы. Сейчас, правда, у меня еще с ногами не все в порядке — пару колен потерял.

— Слышала, вам делали операцию в Америке.

— В Лос-Анджелесе. Операция трудная и очень дорогая. Все мои друзья знали, что таких денег нет ни у одного нормального нашего человека. Поэтому все более или менее состоятельные ребята мне помогали. И американский Клуб самодетельной песни на свой сайт дал сообщение о моей операции. Я сопротивлялся, но они слушать меня не стали. Открыли счет — и люди, не известные ни мне, ни им, стали присылать. Они меня просто спасли. Операцию делали в два приема. Одну в 2001 году, вторую в прошлом. Вырезали мне коленные суставы и вставили новые. (Водошевился!) Нормально. Не болит. Нет особой устойчивости в ногах, если представить себя вновь на яхте.

— Ваш хирург — душевный человек?

— Мой английский не так хорош, чтобы говорить о душевном с американцем. Вообще-то я говорю на английском — в Индии я все-таки преподавал на нем.

— Маргарита знает английский?

— Жена — профессионал. Закончила инязы и преподает английский и латынь. На обе операции она сопровождала меня в Америку. Веди в больнице там держат всего три дня. А потом надо устраиваться где-то. Без нее все это для меня непредставимо.

А студенточки — все красавицы!

— Доктор технических наук Берковский пишет еще и книги по своей главной специальности. Сколько их у вас?

— Когда-то вместе со своим приятелем, его, к сожалению, уже нет в живых, написал учебник "Технология обработки металлов давлением" — это моя специализация. Учебник выдержал три издания. Сейчас еще одну книгу написал — собрал весь свой опыт. Один том вышел. Не знаю, хватит ли сил на другой. Друзья и жена меня ругают: "Лучше бы песни писал!"

— Вы ренессансный человек — такая в вас гармония стали с эфемерной лирикой и любовью. Вы требовательный профессор?

— Видите ли, стараюсь быть снисходительным. Отношусь к студентам с пониманием. Но у меня выработалось с годами чувство ответственности к своей работе. Мои студенты что-то должны усвоить, знать. Я обязан их всемо научить.

— Что вы цените в друзьях?

— Ценю их хорошее отношение ко мне. Они же посвящают мне часть своей жизни.

— Кто-нибудь из них вам изменил?

— К сожалению, меня предавали. И люди известные...

— Какое качество женщины вы особенно цените?

— Преданность. Это вопрос на засыпку. Одной преданностью сыт не будешь. В женском обаянии много составляющих. Извините меня, пожалуйста, я не смею рассуждать о любви, поскольку не поэт. В любви есть некоторая тайна. Никак не поймешь, почему именно эта тебе нравится. Есть такие же красивые и даже еще краше. Смотрю сейчас на своих студенток — очаровательные, красивые и, между прочим, молодые! Но я никогда не заводил романов на работе, тем более интимных отношений со студентками.

— А если за Маргаритой начнут ухлестывать какой-то молодой хлыщ?

— На этот счет я спокоен: Маргарита не даст никому повода усомниться в ее отношении ко мне.

С Маргаритой я встретился у Театра на Таганке. И когда она узнала, что материал я назвала "Мастер и Маргарита", она разволновалась, а потом смущенно сказала: "Так нас называл поэт Давид Самойлов. Виктор с ним познакомился давно. Когда сочинилась песня "Сороковые-роковые", он ездил ему показывать. Давиду Самуиловичу понравилась песня. Очень симпатична ему была и песня на стихи Арсения Тарковского "Вот и лето прошло..." Мы до сих пор дружим с вдовой Самойлова Галей".

— Маргарита, у себя на даче Виктор Семенович как-то проявил свой строительный талант?

— Он умеет все. На втором этаже стены вагонной обивал — медленно, но вполне профессионально, не тяп-ляп. И я увлеклась, тоже занялась вагонкой и обгоняла его по скорости, не уступая в качестве.

Дача Мастера и Маргариты утопает в снегу. Кучуны водного дня. На мягких лапах спускаются сумерки. У Берковских гости, глядя на веселый огонь в камине, в который раз уходят в плавание к далеким берегам. В Бразилию, в Бразилию хотят, но не едут — предпочитают к Мастеру и Маргарите.

Наталья ДАРДЫКИНА.